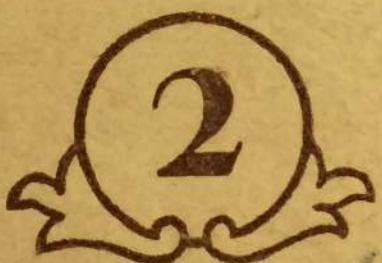

ЛИТЕРАТУРНАЯ УЧЕБА

ФЕВРАЛЬ · 1938

СТАРЫЕ СОЛДАТСКИЕ ПЕСНИ И НАШИ ПЕСНИ О КРАСНОЙ АРМИИ

ИВАН РОЗАНОВ

О Красной армии за двадцать лет сложено много песен. Самые ранние из них были очень несовершенны и по форме и по содержанию. Многие были переделкой дореволюционных песен. Ноевые тексты не ладились со старыми мотивами. Песенный голод чувствовался осязательно. Первые песни, которые стали широко популярными повсюду и надолго, появились за последнюю пятилетку. Прежний голод сменился необычайным урожаем.

Песни эти тесно связаны с великими достижениями социалистической родины и без них были бы немыслимы. Песни эти являются яркими показателями небывалого культурного роста народов Союза. Понять и оценить значение этих песен можно, только сопоставив их с солдатскими песнями царской России. До неизвестности изменились положение и самочувствие защитников родины, характер самой военной службы, военная техника и т. д. Чувство родины, жившее прежде как инстинкт, как малоосознанное настроение, нашло себе прочное обоснование в нашей советской действительности, расцвело и окрепло, как никогда ранее.

ПЕСНИ О ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ ПРЕДДЕ ВРЕДИ И ТЕПЕРЬ

Солдатская служба в царской крепостной армии продолжалась, как известно, двадцать пять лет. Позднее, когда введена была всеобщая воинская повинность, срок службы сокращен был до четырех лет. Эта перемена сравнительно мало отразилась на характере солдатских песен. Большинство их сложено было раньше. Парень, забранный в солдаты, на всю жизнь отрывался от семьи и когда стариком уже получал отставку, то большую частью не знал, куда ему деваться. Этот полный отрыв от семьи прекрасно был выражен в старой солдатской песне «Солдатушки-ребятушки», состоявшей из вопросов и ответов:

— Солдатушки, ребятушки!
А где же ваши жены?
— Наши жены — ружья заряжены,

Вот вам наши жены.
— Солдатушки, ребятушки!
А где же ваши сестры?
— Наши сестры — сабли, сабли остры,
Вот вам наши сестры.
— Солдатушки, ребятушки!
А где же ваши матери?
— Наши матери — белые палатки,
Вот вам наши матери.
— Солдатушки, ребятушки!
А где же ваш отец?
— Наш отец — штык-молодец,
Вот вам наш отец.

Совершенно иначе звучат наши современные песни. В этом отношении особенно показательна одна из самых популярных в настоящее время песен, текст которой принадлежит А. Апседзуну:

Лейся, песня, на просторе,
Не скучай, не плачь, жена:
Штурмовать далеко море
Посыпает нас страна.

Сидя «у послушного руля», матрос вспоминает о любимой. Не страшны ему бури и ураганы, он не раз уже боролся с ними, и каждый раз корабли «с победой возвращались к своей гавани». Кончается песня возвращением домой: «Здравствуй, милая жена!»

О тяжести службы в старое время в царской армии лучше всего говорит одна из популярных старинных солдатских песен: «Ах, ты, зимушка-зима! Холодна очень была». Трудно солдатам зимой, но с наступлением весны становится еще хуже, так как начинаются усиленное учение и маршировки и за каждый пустяк бьют. В песне об этом говорится очень лаконично:

А весна как настает,
У солдата сердце мрет...
Нам ученье — ничего!
Только очень тяжело...

Эта популярная песня, относящаяся скорее к протяжным, имеющим залихватский припев:

Черная галка,
Белая полянка!
Ты же, Марусенька,
Черноброва,
Чего ж не очуешь дома?

С первого взгляда может показаться, что припев этот не имеет никакого отношения к содержанию песни, но это неверно. Солдату хочется отвлечься от неприятных ассоциаций, возникающих в связи с военной службой.

ющих у него, когда он говорит про свою тяжелую службу, хочется найти что-нибудь приятное; семьи у солдата нет, родных тоже, единственное утешение «чернобровая Маруся, не ночующая дома».

В другой солдатской песне рассказывалось, как солдаты погуляли с девушками. За это они были наказаны начальством, но это не беда:

Хоть спина теперь избита,
Да сударушка нажита.

Другое солдатское утешение — табак. Существовал цикл солдатских песен о вымышленном герое солдате Ваньке Хренове. В одной из них рассказывают, как Хренов, лежа на боку, курил трубку табаку, а старуха, у которой он был постоянным гостем, не взлюбила махорки и пошла жаловаться поручику, а тот к удовольствию Хренова приказал закатить старухе пятьсот горячих — не жалуйся!

На таком низком моральном уровне стояли солдатские песни. Солдаты считали себя какой-то особой кастой; их было начальство, но по отношению к мирному населению они чувствовали себя как бы завоевателями. Порой кого-нибудь можно и обидеть безнаказанно: штатским, если это не господа, не тягаться с военными.

Все песни Красной армии, наоборот, подчеркивают тесную связь между армией и остальным населением. Изменился и характер припевов. В песне «Ах, ты, зимушка-зима» припев был вызван желанием забыться, отвлечься от главной темы песни. В наших же современных песнях припевы продолжают усиливать тему песни.

Дисциплина поддерживалась жестокими мерами: шпицрутенами, палками, рукоприкладством. Солдат не считался за человека. В одной старинной заплачке говорится о положении солдат:

За пропащу их собаку почтят
И бьют да их, бессчастных, до умерщвия.

Никаким нравственным авторитетом военное начальство не пользовалось. Никакого доверия к нему не было.

Злейшую сатиру на бездарное командование и бюрократизм военного начальства представляла прекрасная «Севастопольская песня», сочиненная Львом Толстым и его товарищами по полку. Одно место из этой песни, слегка видоизмененное, стало ходящей поговоркой:

Ладно было на бумаге,
Да забыли про овраги.

Начальство препиралось между собой, а дело упускало. На военных советах обнаруживалась вся ограниченность командиров:

Полицмейстер плац-Бекок
Никак выдумать не мог,
Что ему сказать,
Что ему сказать.

А другой командир по поводу распоряжения взять гору предлагает поручить это человеку, особенно славившемуся своей ограниченностью:

Туда умного не надо,
Вы пошлите-ка Реада,
А я посмотрю,
А я посмотрю.

Ему любопытно посмотреть, что из этого выйдет, он забывает, во сколько солдатских жизней обойдется это любопытство. О солдатах никто не заботится. В результате почти все были перебиты:

На Федюхины высоты
Нас пришло четыре роты,
А пошли полки,
А пошли полки.

Хорошо в этой песне и упоминание о генерале, который, вместо того чтобы пораскинуть умом, что делать, «все акафисты читал богородице».

В русско-японскую войну много смеялись над главнокомандующим Куропаткиным, который главные надежды возлагал на иконы и возил их с собой множество.

Доверие к командному составу, какого не может быть ни в одной капиталистической стране, характерно для нашей Красной армии. Наша армия плоть от плоти трудового народа, таковы же и ее командиры. Это доверие выражено и в песнях:

Ты не страшен, океан:
Молодые капитаны
Поведут наш караван.

Солдаты царской армии знали, как плохо вознаграждает их начальство за верную службу. Существовала такая солдатская песенка, полная иронии:

За царя, за Русь святую
Дали курточку худую,
Нечем починить.

А теперь перед каждым способным и энергичным красноармейцем открыта широкая дорога жизни. Чувство товарищества и чувство дружбы никогда не были такой частой темой песен, как теперь. Особенно повезло в нашей красноармейской песне теме о дружбе, зародившейся среди боевой обстановки. Здесь мы имеем несколько удачных песен, проникнутых сдержанным лиризмом,

порою не лишенных юмора, порою трогательных. Таковы, например, «В Двадцатом году» В. Лебедева-Кумача и «Два товарища» Виктора Гусева из его пьесы «Слава». Удачно и куплетное оформление этих песен; например, каждая из трех строф песни В. Лебедева-Кумача, имеющих по 10 стихов, кончается двустишием:

— Товарищ, в каком это было году?
— В двадцатом, товарищ, в двадцатом!

Молодой политрук был спасен в жестоком бою комбатом, с тех пор они крепко подружились:

Сквозь пули дроздовцев прошли на Сиваш
Два верных товарища вместе,
И был на двоих лишь один карандаш
Для писем жене и невесте.
Где порох и пули, где раны и кровь,
Там сердце сильней вспоминает любовь.
Комбат заболел и метался в бреду,
Другой был сиделкой и братом...
— Товарищ, в каком это было году?
— В двадцатом, товарищ, в двадцатом!
Как цель самолетов, победной чредой
Над родиной годы промчались.
Былой политрук и полковник седой,
Как прежде, друзьями остались.
И дружбу, как знамя, они пронесли
Средь мирных побед обновленной земли.

Из несюжетных песен В. Лебедева-Кумача та же тема о боевой дружбе развита в песне «Боевые друзья» с выразительным припевом:

Горе — остынет и радость — увянет,
Дружба одна побеждает года,
Друг боевой — никогда не обманет,
Друг боевой не предаст никогда!

Тема любви в боевой обстановке также нашла свое выражение в некоторых наших песнях. Наибольшим успехом пользуется «Песня о Каховке» Михаила Светлова. Вот несколько строф оттуда:

Гремела атака и пули звенели,
И ровно строчил пулемет...
И девушка наша проходит в шинели,
Горящей Каховкой идет...

Ты помнишь, товарищ, как вместе сражались,
Как нас обнимала гроза?
Тогда нам обоим сквозь дым улыбались
Ее голубые глаза.

Так вспомним же юность свою боевую,
Так выпьем за наши дела,
За нашу страну, за Каховку родную,
Где девушка наша жила.

Как не похожа эта популярная песня на старую солдатскую песню с припевом о черной галке и чернобровой Марусеньке!

Самым характерным отличием нашей армии является ее состав. В популярной песне Асеева «С неба полуденного» есть прекрасные строки об этом. Это место поется всегда с особым воодушевлением:

Мы не сыники у маменьки
В помещичьем дому.
Мы выросли из пламени
В пороховом дыму.

II

РЕКРУТСКИЕ ПЕСНИ И ПЕСНИ ПРИЗЫВНИКОВ

В старинных народных рекрутских песнях нередко упоминается о том, как рекрутов заковывали в цепи:

Как берут меня, добра молодца, в неволю,
Уж как вяжут добруму молодцу белы руки,
Как куют, куют добруму молодцу скоры ноги,
Везут, везут добра молодца во царску службу,
Что во ту ли царску службу, во солдаты.

Один из исследователей рекрутских песен (Н. Лопатин) говорит, что рекрутов «на самом деле заковывали в цепи, сажали по тюрьмам, гнали скованными по этапу, почти не кормя за время пути от общего беспорядка, сопровождавшего наборы, которые носили характер неприятельского нашествия. Тем, кому не удавалось бежать с дороги, часто приходилось гибнуть от болезней и умирать с голода».

Одна из самых популярных и излюбленных рекрутских песен и самых лучших по напеву — знаменитая песня «Не белы снеги» — отличается наибольшей бодростью и размахом лирического чувства, и это потому, что здесь изображается положение не заложенного рекрута, а бежавшего или собирающегося бежать.

В одной очень популярной, более поздней солдатской песне¹ очень ярко изображается, как неохотно шел крестьянский люд на военную службу. Чтобы избежать ее, многие прибегали к членовредительству:

Пальцы рубят, зубы рвут,
В службу царскую нейдут.
Не хотят, калина!
Не хотят, малина.

Не менее ярко изображены и проводы новобранцев. Вот как об этом говорится в песне (припевы опускаем):

¹ Первонаучальный текст этот в фольклоре подвергся переработке.
² «Литучка» № 2

А когда служить сберутся,
Словно с жизнью расстаются...
Тут жена, и сват, и брат,
Гришка, Сидор и Кондрат.
Как по мертвом зарыдают,
До кружала провожают.
Всей деревней заревут:
Ваньку в рекруты сдают!
Ах! Прости навеки, Ваня,
Вот уже те будет баня!

В конце XIX и в XX веке необычайно популярна была рекрутская песня:

Последний нонешний денечек
Гуляю с вами я, друзья,
А завтра, завтра, чуть светочек,
Заплачет вся моя семья,
Заплачет мать моя родная...
и т. д.

Как контраст стариным рекрутским песням можно привести нашу «Песню молодых бойцов», сочиненную В. Лебедевым. Кумачом для фильма «Сын родины». Наиболее выразительные строки обозначаем разрядкой.

Запевай веселей, запевала,
Эту песенку новых бойцов,
Чтобы родина вся подпевала
С четырех необъятных концов.

Мы дождались желанного года,
Мы под красное знамя встаем.
Сыновья трудового народа —
Мы народу себя отдаем.

Смотрите, родные, смотрите, друзья,
Смотри, молодая подруга моя,—
Я в дело любое по праву гожусь,
Я красной звездою на шлеме горжусь.

Мы идем от заводов и пашен,
Все ребята — один к одному,
Каждый молод, силен и бесстрашен
И потачки не даст никому.

Мы идем среди радостных улиц,
Среди ярких девичьих платков,
И, на молодость нашу любуясь,
Молодеют глаза стариков.

Смотрите, родные, смотрите друзья,
Смотри, молодая подруга моя...

и т. д.

В песне, переведенной с украинского, «Сына провожая» читаем:

И не плакала старуха,
Мать его родная,

Добрый словом наставляла,
Сына провожая:
«Исполняй, сынок, прилежно
Службу боевую.
Не позорь меня, старуху,
Мать свою родную.

Не давай, сынок, пощады
Ворогу лихому.
Командиром на побывку
Приезжай до дому».

Кратковременная служба, не надолго отрывающая от родной семьи, дает возможность каждому красноармейцу стать впоследствии красным командиром, дает бодрость и уверенность, а сознание важности той роли, какую играет в советской стране армия и любовь к родине, наполняет сердца призывников чувством радости и гордости. И дети ждут не дождутся призывающего возраста.

В песне Л. Квитко «Письмо Ворошилову» мальчик пишет нарому о своем старшем брате, который нынешний год идет в Красную армию. Он хочет, чтобы его брат был назначен в передовой отряд, а если там погибнет, то его заменит младший.

Я быстро подрасту
И стану вместо брата
С винтовкой на посту.

III

ГЕРОИКА

Есть одна область в красноармейских песнях, где поражает не контраст их с прежними солдатскими, а, наоборот, сходство. Это — героика. Чувство родины, готовность умереть за нее, беззаветная смелость и бесстрашие особенно ярко проявлялись у народа в трудные годы, например, во время борьбы с Наполеоном. Несмотря на неудачи в начале нашествия, никто не допускал мысли о возможности поражения. Когда Наполеон занял Москву, появилась песня:

Пусть Москва в руках французов!
Это, братцы, не беда:
Полководец наш Кутузов
Их на смерть пустил туда!

и т. д.

А когда Наполеон бежал из России, некто Коваленский, никогда ничего не писавший, сочинил песню, приобретшую необыкновенную популярность:

Бонапарту не до пляски:
Растерял свои подвязки
И кричит: «шардон!»

Были песни и об отдельных героях, например, об атамане Платове, который, сбивши бороду и переодевшись, проник в стан французов; там он с ними пообедал, разузнав, что ему было нужно, а когда француженки стали его спрашивать, не видал ли он когда атамана Платова и каков тот из себя, ответил: «Смотрите на меня: он совершенно такой же», вскочил на коня и был та-ков.

Из песен о Наполеоне самая замечательная — Н. Соколова «Шумел, горел пожар московский». Она вызвала массу переделок и подражаний. Каждая война вызывала новое подражание. Несколько таких было в империалистическую войну, в них Наполеона заменил Вильгельм. Ряд подражаний возник и во время гражданской войны, например:

Шумел, гремел да бой с кадетом
И дым стелился по реке,
А за кадетскими войсками
Следил Буденный на коне.
Он притаил свое дыханье,
На битву взор свой устремил;
Там тихим голосом, с дознаньем,
Шкуро Денике говорил:
«Зачем я шел к тебе, Россия,
Хотел свободу погасить?»

и т. д.

Существовали солдатские песни не только о Суворове, Кутузове, Платове и т. д., но и о малоизвестных героях, например, о гибели Краснощекова. Но самая популярная из солдатских песен о героях была о Петре Первом, сочиненная простым, вышедшем из народа, капельмейстером Молчановым, — «Было дело под Полтавой». Эта песня вызвала еще больше подражаний, чеш «Шумел, горел пожар московский».

В этой песне подчеркивается простота обращения Петра; особо привлекательной чертой его являлось то, что он брался за всякую работу: «сам ружьем солдатским правил, сам и пушку заряжал». Вместе с тем Петр изображается легендарным героем, которого «пуля не берет».

В песнях Красной армии любовь к родине и готовность умереть за нее выражается еще энергичнее, чем раньше в солдатских. Достаточно припомнить один из самых популярных припевов:

Смело мы в бой пойдем
За власть советов
И как один умрем
За дело это.

Есть вариант этого припева:

Смело мы в бой пойдем
За власть советскую
И как один прольем
кровь молодецкую.

И в прошлые века, несмотря на гнет со стороны начальства и невыносимо тяжелые условия солдатской службы, чувство родины было сильно. Но это чувство было темным, мало осознанным. Ясное понимание, за что он борется, свойственно теперь каждому красноармейцу. В песне «От края до края» указывается, для чего «берет винтовку народ трудовой, народ боевой»: «Мы знаем за что: за землю, за волю, за лучшую долю готовы на смертный бой».

Много героев гражданской войны воспето в песнях Красной армии, больше всего Буденный и Ворошилов, а из погибших — Чапаев, Котовский, Щорс.

При этом нередко Ворошилов неотделим от ворошиловцев, Буденный от буденновцев; например «Песня бронепоезда Ворошилова», созданная еще в 1919 г.

Ветры буйные бушуют,
Тучи грозные плывут,
Ворошиловцы ликуют,
В бой последний все идут,
Ворошиловцы все знают,
За кого они идут,
За свободу умирают,
Жизнь за правду отдают.

А вот из песни про Буденного «Как коршуны злые терзают добчу». Сначала говорится о том, как белые банды зверствовали среди мирного населения, живьем сжигали людей, позорили жен и дочерей и т. д. Станицы ждали: где ж избавитель? Чего же не приходит? Когда ж мы дождемся его? Далее песня переходит к Буденному, сначала не называя его по имени, а обозначая словами «он» и «герой», а потом уже по фамилии, а дальше по имени.

И он услыхал этот стон всенародный,
Плач жен и сестер, матерей.
И кровь закипела в груди у героя,
Он крикнул призыв: «на коней!»
Могучий орел свои крылья расправил —
Буденный — степной богатырь,
И клич его ветер разнес по отчине,
По родине всей вдоль и вширь.
Из каждой станицы, из каждой деревни,
Как вешние воды текли,
Стекались к Семену, стекались к герою
Все честные люди земли.

Все они давали великую клятву, а именно:

Клялись сокрушить вражью силу несметную
Иль смертью геройскою пасть,
В сраженьях стоять до последнего вздоха
За нашу советскую власть.

Далее говорится про трудности борьбы.

Спросите Царицын, спросите Украину,
Спроси Перекоп или Дон,

С какою отвагой, с каким же геройством
За родину бился Семен.
По целым неделям с коней не слезали,
Сражались по несколько дней,
Последний сухарь от себя отрывали,
Чтоб силы сберечь у коней...
Товарищ Буденный — орел легкокрылый,
Он первым летел на врага:
И в правой руке — его гибкая сабля,
А в левой держал он наган.

Центральным лицом является Буденный и в популярной песне А. Суркова про восемнадцатый год «По военной дороге»:

Среди зноя и пыли
Мы с Буденным ходили
На рысях на большие дела,
По курганам горбатым,
По речным перекатам
Наша громкая слава прошла.

Есть песни и про конницу Буденного, например, «С неба по-луденного» Н. Асеева.

О Ворошилове есть песни — Виктора Гусева «Песня о луганском слесаре», Жарова «Песня о наркоме Ворошилове», О. Колычева «Боевая красногвардейская» и «Шахтерская», украинская песня Л. Квитко, перевод С. Маршака, «Письмо Ворошилову» и много других. Красногвардейцы тесно сдружились с ним: «нас с тобою, Ворошилов, жизнь походная сдружила, вместе в бой летели вскачь...» Предводители «белых банд» — и Мамонтов и Краснов — чувствуют, что Ворошилов несет им гибель.

Издыхающий Мамонт, хрюпи,
И спасай свою шкуру, Краснов,
Если Клим Ворошилов в цепи,
Вождь бесстрашных шахтерских полков! Эх!
Мы — луганцы, донбассовцы — мы,
И еще ворошиловцы — мы!
Молодой кавалерии клин,
Голова кавалерии — Клим.

А в другой песне (Виктора Гусева) читаем:

Не забудет Дубовязка,
Как по рощам, по низам
Удирали немцы в касках
От луганских партизан...

От Архангельска до Крыма,
От Урала на Алтай
Боевая слава Клима
Понеслась из края в край.

В целом ряде песен говорится о готовности, если понадобится, вновь повести своих коней «по знакомым дорогам, за любым наркомом».

Песни об уральском герое Чапаеве, а также и об украинском красном командире Щорсе или изображают их перед каким-ни-

будь наступлением, или говорят об их гибели. Партизанская песенка «Гулял по Уралу Чапаев герой» отличается своим лаконизмом. Чапаев со своими полками «соколом» рвался в бой. Он воодушевил своих товарищей: «не смейте отступать, чапаевцы смело привыкли умирать». Чапаевцы бросились вперед со штыками; в результате «бросив окопы, бежали юнкера». Щорс идет с обвязанной головой, на рукаве кровь, «след кровавый стелется по сырой траве». Вместе с ним идет его отряд, «сыны батрацкие», которые стали на защиту родины, дрались с гетманом и с Петлюрой, но теперь окружены немцами и гайдамаками и решились во что бы то ни стало пробраться к Виннице. Такой момент изображает Михаил Голодный. В песне, сложенной бойцами Богунского полка, который был организован Н. А. Щорсом, легендарный украинский герой взят в момент собирания вокруг себя партизан. Крестьянам некуда податься: в стране неурожай, так как гайдамаки вытоптали крестьянский хлеб. Вокруг Щорса собирается крестьянская молодежь. Очень поэтично, согласно с традициями старинного устного творчества, начало песни:

Ах, поля, вы, поля,
Широки вы, поля.
За клинцами поля,
Под Увечью поля...
Как на этих полях
Мы сражались в боях.
Как на этих полях
Да в дремучих лесах
Собирал нас Щорс —
Молодой атаман.

Далее кратко упоминается, как богуны дрались с Петлюрой, затем кратко и выразительно:

За свободу всех
Пахарей-селян
Потерял свою жизнь
Молодой атаман.

Чапаев, или Чапай, как обозначается он обыкновенно в песнях, погиб, как известно, утонув в реке Урале, спасаясь от преследования. Эту гибель Чапая взяли своей темой Михаил Голодный («Ты не вейся, черный ворон») и Алексей Сурков («На седых уральских кручах вороны кричат»). Оба поэта начинают с мрачного предзнаменования: карканья ворона. Это в духе старинной народной лирики.

Кроме героев гражданской войны, прославившихся на весь Советский Союз, были и другие — местного значения, например, представители революционного казачества Подтепков, Кривошликов или сибирский партизан Погадаев. О них также существуют песни. Популярностью пользуется песня Михаила Голода о матросе Железняке, а также Ф. Канатова о девушке партизанке-казачке, молодой Марuse Бондаренко. Но кроме тех ге-

роев, имена которых запомнила вся страна или тот округ, где они боролись, Красная армия выдвинула в гражданскую войну сотни, тысячи и десятки тысяч безвестных героев. Это нашло яркое художественное отражение в песенном творчестве. Одну и ту же тему — о юноше 16 или 17 лет, которого расстреляли белые, — разработали Яков Шведов в «Орленке» и Иосиф Уткин в песне «Мальчишку шлепнули в Иркутске». У Шведова более романтическая, у Уткина более реалистическая разработка. Юноша остался один в засаде, все его товарищи перебиты. Он обращается к орленку, своему крылатому товарищу, с просьбой полететь в родную станицу и рассказать матери, как сына ее вели на расстрел. Юношу товарищи прозвали орленком, но он знает, что он вовсе не исключение. Он верит, что на помощь придут комсомольцы — орлята:

У власти орлиной орлят миллионы
И нами гордится страна.

У Иосифа Уткина юноша-комсомолец ведет себя мужественно на допросе. Пять раз приводили к нему его мать, и он каждый раз заявлял, что не знает ее. Так же мужественно вел он себя, когда его вывели на расстрел:

И он погиб, судьбу приемля,
Как подобает молодым,
Лицом вперед, обнявши землю,
Которой мы не отдадим!

Истинным лиризмом овеяна заслуженно пользующаяся известностью «Гренада» Михаила Светлова. Украинский хлопец лелеет в мечтах далекую Гренаду и, покинув свою хату, «пошел вовать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать».

Есть песни, посвященные не отдельным героям или отрядам, а боям и победам, такова, например, песня о бое под Усть-Кутом, происходившем 13—17 ноября 1919 г., написанная одним из участников боя, партизаном Ребровым-Денисовым, и начинавшаяся стихом «Ритмичную дробь выбивал пулемет». Впрочем, песня эта вряд ли имела широкое распространение. Зато партизанская Альмова про «штурмовые ночи Спасска, волочаевские дни», начинающаяся стихом «По долинам и по взгорьям», является одной из самых любимых и самых распространенных по всему Советскому Союзу. Песня явилась не только отражением событий, она сама активизирует на грядущие победы, напоминая, как «шли лихие эскадроны приамурских партизан».

Этих лет не смолкнет слава,
Не померкнет никогда.
Партизанские отряды
Занимали города.

IV

НА СТРАЖЕ

Военная техника не могла не отражаться на тематике песен. Старая боевая солдатская песня знала пулью, штык, саблю, пику, пушку, ядро — и только. В песнях империалистической войны есть и шрапнель и пулемет. Теперь существенную роль играют танки и самолеты. Песни были солдатские и матросские; из солдатских большинство обслуживало интересы пехотинцев, как главной военной силы. Особняком стояли песни казацкие. Что мы имеем теперь? Кроме песен красногвардейских, кавалерийских, краснофлотских и т. д., мы имеем теперь и песни воздушного флота, и песни танкистов, и песни пулеметчиков, и что все-го важнее — песни мирных граждан, рабочих и крестьян, заявляющих о своей готовности в любую минуту встать на защиту родины:

Мы мирные люди, но наш бронепоезд
Стоит на запасном пути.

Почти всякая песня о радости жить и работать в стране строящегося социализма заканчивается таким заявлением по адресу врагов нашей родины:

Но сурово брови мы насупим,
Если враг захочет нас сломать.
Как невесту родину мы любим,
Бережем как ласковую мать.

Это мы находим и в «Краснофлотском марше» В. Лебедева-Кумача: «И в бурю и в штормы готовим отпор мы для недругов нашей страны» и в «Марше танкистов» Б. Тимофеева.

О том же говорят и авиационные марши: «Дозоры не дремлют, надежны посты, советскую землю хранят с высоты», или «в каждом пропеллере дышит спокойствие наших границ», и жеездорожники поют о том, что если дыхание войны двинет их в встречу боям, они твердой рукой поведут бронепоезда.

Каждый род оружия чувствует свою связь с другими и знает, что его поддержат. В «Песне о тачанке» Михаила Рудермана читаем: «По земле грохочут танки, самолеты петли вьют», С. Островой в «Песне краснофлотцев» рисует такую картину: корабли стали в кильватер, а вверху «распластав стальные крылья, сверкает в небе эскадрилья». У Б. Тимофеева в «Марше танкистов» голубой вышине летят самолеты, словно стая журавлей, а в отчет им средь широких колхозных полей гудит броневой отряд. Виктор Гусев в «Полюшке» говорит о готовности принять врага: наши кони быстроноги, наши танки быстроходны, быстро плавают подводки, а в небе грозные следят пилоты. В песне С. Альмова дана и картина боя:

Бейте с неба, самолеты,
Край, бойцы, во все штыки!
Застрочили пулеметы, пулеметы —
В бой идут, в бой идут большевики.

Мы с любой бедою сладим,
Всех врагов развеем в дым,
Мы своей земли ни пиди
Никому не отдадим.

В связи с усилением агрессивности фашистов, засылающих к нам шпионов и диверсантов, среди оборонных песен очень заметное место заняли за последние годы песни о пограничниках. Об охране морских границ всего красноречивее говорит нам В. Лебедев-Кумач: как верный часовой красный наш флот «хранит голубые границы», «недремлющим взором» наблюдает он за тем, что происходит на море, и можно быть вполне уверенным, что «в двери наших морей нет прохода враждебным линкорам».

Самое опасное время для пограничников — ночь. Очень энергичным призывом к моряку-пограничнику язвится следующий привес в одной из песен В. Лебедева-Кумача:

Эй, моряк, эй, моряк!
Темной ночью ходит враг!
Ты мрак победи!
Врага проследи!
В море зорко гляди!
Пограничник!

Есть в песнях и описания отдельных случаев из практики пограничной службы.

Такой случай рассказывают Рещикова и Васильев («Песня о герое пограничнике Андрее Коробицыне»). Дело происходило на финляндской границе, утром на рассвете. Очень выразительно описывается в песне тишина: «Висит густая тишина грознее динамика». Вдруг появляются четверо «и Коробицыну в упор четыре вражьих дула». Предлагают ему сдаться и пропустить через границу. Но Коробицын «даже глазом не моргнул». Он выстрелил. Один из бандитов упал, но сейчас же три выстрела были направлены в Коробицына, но и смертельно раненый наш часовий продолжал стрелять и заставил отступить вражескую банду.

Но Красная армия сильна не только высокой военной техникой, танками и самолетами, не только преданностью родине, партии и ее вождям, не только бдительностью по отношению к явным и скрытым врагам, она сильна еще поддержкой всей страны, дружбой братских народов, входящих в СССР. Такой дружбы не может быть ни в одной из стран капитализма. Очень показательны в этом отношении песни наших братских народов, национальные по форме, сохраняющие черты местных бытовых условий, но проникнутые одним и тем же стремлением никому не отдавать завоеванных свобод и сознанием нерушимой крепости союза республик.

ХЛЕБ

(Оборона Царицына)

А. ТОЛСТОГО

И. ЗАМОШКИН

Советская литература о гражданской войне обогатилась новым значительным произведением. Вышел «Хлеб» Ал. Толстого.

Великое двадцатилетие сломало перегородки, воздвигнутые вредительской троцкистской «историографией» на пути изучения гражданской войны, разместило вещи и людей по своим местам, возвав должное всем, кто заслужил славу и признательность у трудящихся, и предав проклятию всех, кто способствовал настроениям пораженчества в беспримерной битве за социализм. Время просеяло наносное и закрепило действительно великое. То, что вредительски замалчивалось, теперь встает во весь свой рост — и в истории, и в художественной литературе, и в живописи. Двадцатилетие вооружило писателей полноценным методом исторического познания.

Если Дмитрий Фурманов, историзм произведений которого, как участника войны, по необходимости был ограничен пространством, доступным непосредственному наблюдению, сумел все же передать огромную, как страна, за которую он боролся, историческую правду большевизма, то насколько же выгодней позиция современного писателя, имеющего возможность изучить богатейшую документацию эпохи, и насколько, с другой стороны, сложнее и ответственнее задача, вставшая перед Ал. Толстым, по сравнению с Фурмановым и Серафимовичем. То, что Фурманов сам был деятелем описываемых им событий, вовсе еще не предрешало вопроса, что его «Чапаев» будет темпераментным, страстным, исторически объективным произведением. В истории литературы есть примеры, когда прошлое, и далекое прошлое, изображалось столь же горячо и заинтересованно, как если бы сам автор был участником событий. Эмоция, действие чувства на чувство, никогда не соперничает с исторической истиной, если чувство направлено в сторону познания и освещено передовой идеей времени. Так поступил Гоголь, когда создавал величайшую в русской литературе эпopeю